

Михаил Сегал
тексты песен

Встреча субботы 1995

Чёрная кухня гетто.
Мама сидит на стуле.
Стрелка из жести бьётся –
Флюгер украли дети.
Справа за домом будет –
Та сторона, где пули.
Слева за домом будет –
Та сторона, где ветер.

Ты, как всегда, в овраге.
Солнышко зеленеет.
Кто-то достал бумагу,
Мы запускаем змея.
Он, поднялся, как летний
Голубь Пути в Завете.
Там - сторона, где ветер
И – сторона, где ветер.

Средь тишины весенней
Слышно, как каждый лучик
Первой травы – на взлёте,
Слышно шаги в передней.
Это ступает Случай,
Вот и Надежда рядом.
Всех охватила взглядом
И умерла последней.

Та сторона, где ветер
Ждёт нас, но мы не знаем
Ветра, и всей семьёю
Смотрим туда где – Прямо.
Речка. Щиты яхт-клуба.
Полдень в глазах окраин.
Чёрная кухня гетто.
Флюгер в руках у мамы.

На серой и пыльной, как старый мешок,
Дороге из штата в штат
Лежал человек и курил песок –
Там многие теперь лежат.
А над ним было небо, а над небом – море.
А над морем было –
Всего понемногу.
И все они следили за тем, как скоро
Солнце оставляет эту дорогу
Из штата в штат.

К нему подошла его старая лошадь
Походкой трепетной лани.
Она сказала:
- Я скажу твоё последнее слово
Твоей жене или маме.
Я отвезу им твой талисман,
И твой последний вдох, как первый взгляд,
Им облегчит дорогу вглубь тех стран,
Что не сравнить с дорогой из штата в штат.

- Мой талисман – прямо здесь, прямо в груди.
Мне его уже не потерять, не отдать, и уже не найти.
Он шепчет мне: «Храни меня,
Хозяин мой, ведь нет цепей,
Держащих нас, и нет огня,
Огня, который бы нас спас.

Этой зимой
Он со мной
Станет мной,
Если эта зима
Будет верно идти.
Если нет –
Я за ним
Вместе с ним
Стану им.
Впрочем – пусть.
Нам уже
Начинает везти.

На серой и пыльной, как старый мешок,
Дороге из штата в штат

Лежал человек и курил песок –
Там многие теперь курят песок.

Песня Белых Девятиэтажек 1993

Когда я встаю и смотрю из окна
На сохнувшие телогрейки детей
Мне хочется верить, что эта страна
Достойна быть почвой
Для этих ветвей.

За нами – овраги, поля и трава
Иль снег – всё зависит от времени года.
Когда нам не хочется слушать слова,
Мы слушаем. Как шелестят параводы.

Мы ночью выходим и смотрим в овраг,
Оставив зелёные книжные полки.
Не слышно ни криков, ни лая собак.
То, что было мячиком, кажется волком.

И взгляды людей отделились от них
И стайей взлетели до уровня гнёзд.
И нету надежды остаться в слепых.
И видно разлуку на тысячи вёрст.

Бабушкинская колыбельная 1995

Мой старик уехал в город –
Воровать к зиме дрова.
Возвратится он нескоро,
Разболелась голова.

Я всё жду, и невидимкой
Тает поле, тает лёд.
На руке его снежинка
Тает уж который год.

Поморская застольная 1992

Выходи скорее замуж
За меня, а то уйду
К тем, с кем быть давно пора уж,
В ледниковую воду.
Что мне будут капли в небе
Мыслей «против», мыслей «за»,
Если там томятся в чреве
Облаков мои глаза.

Сорок дней пути из школы
Через сорок пустырей
Вновь зовут меня, и снова
В окна вижу я детей
В шортах пасмурного цвета
И с часами на руках,
Убегающих от света
За глазами в облаках.

Так оставь меня, мы будем
Жить друг с другом и дышать
Лишь друг другом в той округе,
Где травую можно стать.
А потом однажды ночью
В час отсутствия лица
Тёмной музыкой наощупь
Сатана нам съест сердца.

Будь спокойнее. За мной,
Как за траурной тесьмой.

Трюмо 1995

Вчера я смотрелась в трюмо.
Моя шестиглавая грудь
Опала, как этой зимой
Опала в термометре ртуть.

Но если ты слышишь меня
Сквозь шелест перин,
Шёпот крон,
Я вылечу третьего дня,
Как пёрышко лучших времён.

Водолаз 1995

Сегодня в комнате морозно,
И наш знакомый водолаз
Спит в маске, и который раз
Проснувшись, восклицает грозно:

«Я так хочу, чтоб в эту спальню
Сквозь стужу зимнюю вошла
Волшебница и принесла
Мне нежность на руках бескрайних».

Но та волшебница – виденье.
Она уйдёт в который раз.
Она – полёт, она – стремленье,
А он – несчастный водолаз.

К нам едет человек 1995

К нам едет человек.
Конь вытоптал цветы.
А в книгах тает снег
И выцвела латынь.
Мы долго читаем,
Смотрим картинки, но
Ещё верней глядим в окно.

А у окна слепой
Старец, сквозь лучи
Он смотрит на него
И просит: «Доскачи».
Мы долго читаем,
Смотрим картинки, но
Ещё верней туда, где он.

Он скачет через гать
И по кругу.
Всё, поздно убегать.
Дай мне руку.
Мы – корни деревьев,
Может, ты слышишь смех.
Но он летит и смотрит вверх.
Но он летит и смотрит вверх.
А дождь идёт и смотрит вверх.

Песня о поваре 1994

Много замков стоит на зелёной земле.
Вся в холмах наша Родина, только лови
Щебет птиц на деревьях и шелест ветвей,
Капли неба в потоках холодной травы.
И уж если тыловишь, то должен поймать
Эту песню – короткую, тихую, но –
Тишину, за которую можно шагать.
Если хочешь – иди. Это было давно.

Поздней осенью повар уснул у печи.
Он храпел и не слышал во сне ничего.
Только понял, проснувшись, что счастье его –
У реки, где весна никуда не спешит.

Он собрал чемодан, и на следующий день
Смутно помнил верхушки знакомых столбов.
Он ушёл и оставил высокую тень,
Только тень тем глазам, что любили его.

А когда его старость пришла, он сидел
В незнакомой траве, в незнакомой земле,
Поздний аист осенний писал в вышине
То, что тайной лежит у него на крыле.

Только повар кричал сквозь овраг до реки,
Погибал, пропадал, но кричал от души:
«Я ведь знаю, меня где-то ждут рыбаки
У реки, где весна никуда не спешит».

И когда те глаза что любили его
Перепробовал весь мировой океан,
И когда он не вспомнил ни глаз, ни того,
Что сказали глаза, только лёгкий туман
Понемногу дарил ему новой земли.
Что-то плотник кричал, что-то пела пила.
И тогда он вдруг понял, куда он попал:
К той реке, где весна никогда не была.

У реки, где весна никуда не спешит,
Где голодные звери лежат на траве,
Можно думать о многом в своей голове,
В это время все мысли, все сны хороши.
Например, как сквозь дым, продирается к нам,

Вся в холмах, наша Родина. Только теперь
Кто-то водит её, но ведёт не туда -
В наших пальцах – прозрачный, на ниточке змей.
Он сковал нам уста. Не сказав ничего,
Самым краешком кальки достал до небес.
И голодные звери глядят на него.
Так накормим друг друга, покуда мы здесь.

Отчего птички поют 1994

Когда я не был пастухом
И был ребёнком малым,
Ко мне на чёрном скакуне
Подъехал господин.
Он шляпу снял и мне сказал,
Смотря в глаза устало,
Что, если я хочу быть с ним,
То должен быть один.

А та, которая идёт,
Ногами и затылком,
Высоким взмахом головы
И пряжкой ремня
Мне шепчет, мол, к закату я
Исчезну за развилкой.
Осталось только пять минут,
Окликни же меня.

Она ушла. От той зимы
Не выпросить ни слова.
А я гляжу ей вслед, лежу
И первой сединой
Готовлю землю к декабрю,
К другой зиме, всё снова.
Ведь тот, кто был тогда со мной,
Пока ещё со мной.

Дорога меж зим –
Это старая тайна.
Кто станет сегодня
Дорогой меж зим?
И кто стоит совсем один
И сетует печально,
Что он потратил столько лет,
А я уже не с ним.

А дело в том, что пастухи
Не топают без дела,
И каждый день, гоня коров,
Приходится смотреть,
Как небо, взмывши строго вверх,
Достало до предела.
И там уже нельзя ходить,
А можно только петь.

Тёмный платочек 1995

Она живёт во Франции,
В городе Лионе
И честно спит по пятницам
С развозчиком бидонов.
Она пыхтит, старается,
Но страсть подобна сглазу,
А за глазами – вновь глаза
И то, что видно сразу.

Тёмный платочек,
Мы с тобой скоро
Бросим цветочек
В сторону моря.

6 утра 2001

Между утренней ранней любовью и гимном
Есть пять минут, чтоб поспать.
Летний день подождёт, притаившись за ливнем,
И постель превратится в кровать.
Мы слегка задохнёмся, уткнувшись носами
В одеяла, подушки, и, может быть, сами
Не заметим, как ангел над волосами,
Пролетая, выдернет прядь.

Всё 1994

Я женился на толстой и умной,
И уже никогда не спущусь,
Глядя на девушек взором бесшумным,
Ниже глаз и ушей. Ну и пусть.

Прощание 1998

Как хорошо, что ты вернулась...
Приехала издалека.
Теперь со мной твоя рука...
Её тепло, Биенье пульса.

Как хорошо, что поезд встал,
Что дети мину подложили,
Дождь начался, и ты решила
Вновь возвратиться на вокзал.

Как хорошо, что мы часы
На время летнее не стали
Переводить, и все устали
Искать нас в улицах пустых.

И этот час, что все кругом
За два мгновенья потеряли,
Мы вдруг так ясно увидали,
И лето унесли тайком.

В апреле дальний поворот
Дороги виден чуть яснее.
И лишь секунд не достаёт,
Чтоб снова не расстаться с нею.

Офицерский романс 1995

Вся Россия в крови.
Государь император – в темнице.
Ездят хамы в трамваях –
Трамвайные хамы – домой.
Ах, зачем мы тогда не уехали в Ниццу.
Я хотел в эту Ниццу,
Я очень хотел:
Я живой.

Вся Россия в крови.
Слышен лёгкий шумок – это кости.
На костях комсомолки рожают, и слышно: «уа».
Поутру не понять: на постели ты иль на погосте,
В рае Нечерноземия, в Сен-Женевьев де Буа.

Я мечтал

О прекрасной любви в Херсонесе,
Пегим мальчиком лёжа на волнах
Высокой весной.
И теперь,
Если кто-то поймёт эту песню,
Пусть приедет сюда,
Ляжет в воду
И будет со мной.

Амурская 1993

Землёю здесь некуда ехать,
Водою здесь некуда плыть.
Лишь ночью звезде на потеху
Меж сопок гремят кандалы.

Деревня проснулася рано,
Всё знали, никто и не спал:
У окон стоят каторжане,
Им здесь предрасписан привал.

Не спали уже много суток,
За сопки кровавится след.
А с ними, в колодки обутой, -
Парнишка шестнадцати лет.

Солдат на него замахнулся,
Ударил – и, как его нет,
Лишился дыханья и пульса,
Хозяйка вступилась в ответ:

«О вы, всей страны властелины,
Вы правите нами пока,
Но время придет, мы вас скинем,
За что ты убил паренька?!»

«Ах, матушка, да, я ударил,
Но только друзей, как мы с ним,
Найдёте, найдёте едва ли,
Он сам всё сейчас объяснит».

Парнишка приподнял со снега
Лицо, глянул волчьей звездой,
И все услышали стук сердца
И голос его молодой.

«Нам нужно идти до рассвета,
Чтоб время застать до конца,
Мы ищем звезду без приметы,
Мы ищем любовь без лица.

Любовь без лица и покоя,
Любовь, что давно уж глядит,
Как небо летит над землёю
И скоро совсем пролетит.

А больше – не знаем ни слова,
Не помним, как звать нас, в пути
Мы всё позабыли и помним
Лишь то, что нам нужно идти.

И вот мы идём, зарекаясь
Остаться везде, где есть чай.
Ещё пять минут – я останусь...
Стегай меня, слышишь, стегай!

Ах, если б не дал кто ночлега,
Ах, если б – кто выверил путь.
Ах, если б кто поднял со снега,
Ах, если б повёл кто-нибудь».

Жильцы затворили все окна,
Но небо покрылось дождём.
Два йети пришли из-за сопок
И молвили: «Мы поведём»

Весь день шли неровной колонной,
Два раза попали в буран,
А ночью к глазам измождённых
Волнами припал океан.

Той ночью их видели в Чили,
В Пуэрто-Монт, а поутру,
В Куала-Лумпур получили
Доклад астрономов Перу:

«Мы видим звезду без приметы,
Мы видим любовь без лица,
Прохожих, в лохмотья одетых,
И много цветов, и пыльца

Ложится к нам на телескопы,
Нам видно всё хуже... Цветы...
Лучи... Золотистые стропы
В предутреннем небе, а ты,
Любовь без лица, - только капля
Зелёной воды там, где мы
Не ждали тебя и остались
В сугробах амурской зимы.

Слепи нас, чтоб мы не успели
Припомнить, как нужно здесь жить.
Землёю здесь нечего делать.
Водою здесь нечего пить.

Пепелочек 1995

Я – пепел тёплой птицы. Над Гангом
Лечу свободно, и звёзды слева,
И горы – прямо, и люди справа,
И день, который меня развеял,
Ведут меня к верховьям, скоро
Я стану вновь красивой птицей.
Вот только одолею горы,
И мне раз плюнуть – возродиться.

Вперёд, к верховьям! Красны девицы
Со всей Ост-Индии, вы б видели,
Какие за горами снежные
Дороги, и какие идолы
От самых гор до моря Белого
Стоят в полях, глядят на путников!
Не зная брод, плыви по времени,
Но только тихо, время – мутное.

А кто там идёт, кто дорогу ведёт
За собой на шнурочке, в лесной огород?
То Степан-купец, Степанов сын,
А женат-то он только год один,
Молоко-то с губ – пей, останется,
А жена ему – очень нравится.
Потому что – красавица.
А кому красавица не понравится,
Только пожар вдали уже занимается.

А кто там идёт, кто дорогу ведёт
За собой на шнурочке, да в самый приход?
Это Грозный царь ждёт молодую,
Чтобы выпить её до доньшка,
Подобрать поясок и уйти во тьму,
И рыдать без устали: одному
Очень трудно быть ясной полночью,
Тёмну горницу путать с горничной,
Вспоминать, как сокол заиндевел,
И горят города – пепел в Индию.

А ещё мне видать с высоты этих гор,
Как дорогу ведёт белый инок Егор,
Вот уж город сгорел, да другой принялся,
Он листает тетрадку, шуршит береста.
Тёплый дождик, сжигая отряды коров,
По шнурочку-дороге подходит к кустам,
А Егор всё читает, что Бог есть любовь,
А что есть любовь – всяк решает сам...

А я люблю глаза простые –
Как земляника... Или слепо
Шумящие леса густые...
Но мне навстречу – встречный пепел.

Весна в верховьях Ганга – белая,
Слоны на крыльях мчатся к радуге.
Война горит звездою севера,
И пепел с севера нас радует.

Я – пепел птицы, и мне велено
Стать птицей вновь, пройти над реками,
Но – где здесь мой, где чей – неведомо.
Нас слишком много. Мы приехали.

Гусарский романс 1995

Я у себя совсем один,
И мне нельзя ходить в атаку,
И побираться, как собака,
И унижаться до седин.

В постели я, как вихорь, вьюсь –
Хоть это труд и стыд напрасный,

Но, отправляясь в путь ненастный,
Я вновь собою остаюсь.

Я вижу солнце впереди, а Вы...
А Вы не пропадёте:
Мужчину Вы ещё найдёте,
Я ж у себя совсем один.